

Исходя из подобных установок, определяет Ж. Контено и законы развития искусства. Общность форм вытекает из общности этнической. Новые формы возникают вследствие влияния искусства одного народа на искусство другого. Таким чисто механическим путем из сочетания форм шумерийского искусства, унаследованного Митанни, и протохеттского рождается, например, по мнению автора, искусство новохеттов.

Только одними внешними причинами—обычно нашествиями—объясняются гибель или периоды временного упадка того или иного государства. При характеристике общественного строя автор из-за методологической беспомощности впадает в полное противоречие с собственными своими высказываниями. Он определяет, например, хеттское общество, как феодальное, но в то же время признает, что там существовало два класса — «свободные и рабы».

Не избежал Контено и обычной для современной буржуазной науки вульгарной поверхностной модернизации, хотя к ней он прибегает сравнительно редко. Так, явно неудачны сопоставления ассирийских колоний в Канадокии с современными концессиями или хабири с французскими наемниками XIV—XVI вв.

Игнорирование работ советских археологов и историков, открывающих в полном смысле этого слова новые горизонты в изучении прошлого народов Кавказа, Закавказья и Северного Причерноморья, а следовательно, и всего Переднего Востока, значительно обедняет не только содержание книги, но и выводы автора. Теперь становится все более и более очевидным, что близость, например, культуры Триполья с древними культурами Малой Азии, Балканского полуострова и Крита далеко не случайна и при решении вопроса об этногенезе соответствующих племен и народов нельзя не считаться с археологическим материалом, добытым в СССР.

Сосуществование в книге двух хронологических систем создает известную нечеткость.

Все же, несмотря на эти очень существенные недостатки, работа Ж. Контено содержит весьма ценный и обширный фактический материал. Вот почему было бы вполне оправданным издание этой книги в русском переводе, особенно если принять во внимание недостаток подобного рода общих работ по истории хеттов и хурритов, близкого стоявших ко многим народам, населявшим некогда некоторые области нашей родины.

И. С. Кацнельсон

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ВОЙНА МЕЖДУ РИМСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ПЛЕМЕНАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В 250—251 гг. Н. Э.

Важным этапом антиримской борьбы племен Прикарпатья и Северного Причерноморья были войны III в н. э. В 230—270-е гг. н. э., воспользовавшись глубоким социально-экономическим кризисом империи, на нее с огромной силой обрушились карпы, аланы и другие причерноморские племена. Первые крупные нападения этих племен относятся еще ко времени Александра Севера и Максимина, когда варварам удалось опустошить пограничные римские районы и даже разрушить г. Истр. В 230—240-х гг. коалиция варварских племен провела ряд больших и упорных войн, добиваясь порой довольно значительных успехов. В 242 г. в одном из сражений аланы разбили самого императора Гордиана III (SHA, 34,4), в 248 г. крупные силы «скифов» прорвались далеко в глубь придунайских провинций и осадили город Марцианополь.

Крупнейшей войной III в. была война 250—251 гг. Окончившись разгромом римлян при местечке Абритта, она значительно обострила внутренний кризис империи. Однако как и вся война 250—251 гг., так и битва при Абритте не привлекли должного внимания ни нашей советской историографии, ни тем более буржуазной литературы.

Обращаясь к источникам по войне 250—251 гг., следует отметить, что она заняла прочное место не только в греко-римской, но и в византийской исторической традиции. Конечно, исходные позиции различных авторов в изображении событий войны и их осведомленность были весьма неодинаковы. Внимание римских писателей приковывала героическая смерть обоих Дециев и измена Приска, а самому ходу военных действий почти не уделялось внимания. Поздневизантийские авторы (Зонара и Синкелл) дают хотя и беглое, но более последовательное изложение событий. Незаменимым источником для изучения этой войны является «Getica» Иордана, а для заключительного периода военных действий исключительно важен рассказ Зосима — более детальный и объективный, чем повествование любого писателя. Огромный интерес для историка представляют фрагменты Дексилла (FHG, III, 19—20), сообщающие интереснейшие подробности об осаде г. Филиппополя.

По вопросу о внутреннем состоянии империи в период войны 250—251 гг. в источниках мало данных. Зосим указывает, что в канун «скифского» похода дела империи пришли в полный беспорядок (I, 23, 1); по словам Иордана, Книва знал о незащищенности Мёзии «из-за небрежности императора» (XVIII, 101).

Дата этого вторжения причерноморских племен в границы империи может быть установлена достаточно точно. В декабре 249 г. Деций еще считал возможным отпустить со службы старослуживых солдат (CIL, III, стр. 898D); следовательно, в это время на границах империи еще царил мир. С другой стороны, Аврелий Виктор сообщает, что сын Деция, Геренний Этрусск, получив звание цезаря, был сразу же направлен в Иллирию для подготовки похода (Caes., 29, 1); поскольку известно, что Геренний Этрусск стал цезарем еще в апреле — мае 250 г., то естественно заключить, что весной 250 г. «скифское» нападение уже приняло значительные размеры.

Таким образом, повидимому, скифо-сарматы начали свое нападение на империю сразу же по истечении зимы 249/50 гг.

Ни один из источников не перечисляет на этот раз всех племен, принявших участие в походе. Зосим говорит о «скифах» вообще (I, 23), Спикелл (стр. 705) о «скифах, называемых готами», Лактанций всю войну приписывает одним карпам (*De mort. pers.*, IV, 3), Иордан — одним готам. Такой разницей в источниках позволяет предполагать, что в данном случае мы вновь имеем дело с коалицией племен, но из авторов лишь Зосим дает обобщающее имя «скифы», а остальные называют лишь одно из племен. Это была, повидимому, та же коалиция племен, которая выступала и в 248 г., но, быть может, еще более расширявшаяся, если судить по огромным размерам развернувшейся борьбы и данным о численности «варварских» армий и их потерях.

В эту войну племена Причерноморья вступили с многочисленной, разнообразной по родам войск и закаленной в боях армией. До нас дошла характеристика этой армии, данная не кем иным, как современником и участником событий — императором Децием, в его письме к Филиппопольцам. Возможно, конечно, что значительная часть известного обращения Деция к гражданам Филиппополя вымышлена Дексинном, но поскольку в распоряжении последнего находились, безусловно, достоверные сведения, то и в таком виде эта характеристика представляет огромный исторический интерес. Ввиду важности этого места, приведем его полностью. В своем обращении Деций говорит: «Вы не должны без помощи союзников идти на битву с воинами, которые встретят вас с твердою силою, у которых многочисленная конница, многочисленная тяжело и легковооруженная пехота, которые страшны своею опытностью в военном деле и своею наружностью, а потрясанием оружия, угрозами, издаваемыми громким голосом, могут привести в робость тех, кто первый на них нападает» (FHG, III, fr. 19).

При изучении этого первого этапа военных действий пред нами встает один очень важный вопрос, без разрешения которого мы окажемся не в состоянии дать верное изложение событий. Это вопрос о том, действовали ли в период важнейших битв 250 г. племена Причерноморья одной армией или весь поход как бы разбился на два потока, причем одна армия оперировала на севере, а другая — на юге, в Галлии.

Домашевский и Шиллер¹ считают, что армия Книвы билась под Нови, Никополем, Бероа, а затем она же осадила и взяла Филиппополь. Б. Раппорт² и Л. Шмидт³ придерживаются противоположной точки зрения, т. е. той, что осадой Филиппополя занялась отделившаяся часть войска, которая впоследствии и соединилась с «войском Книвы», и тогда только и пал Филиппополь.

Нам кажется, что речь может идти только о двух «скифских» армиях, из коих одна билась в Мёзии, а другая прорвалась во Фракию. Иордан ясно говорит о разделе армии на две части; само разделение войска под Нови имело вполне определенную цель, главные его силы шли против основных сил римской армии, вспомогательное войско было направлено для опустошения римских тылов и дезорганизации их обороны («опустошение Мёзии» — *Iord.*, XVIII, 101). Вполне естественно предположить, что это второе войско в своем движении на юг прошло через Балканы и проникло во Фракию, тогда как основные силы боролись с Децием и Галлом. Не случайно, по нашему мнению, что в источниках при описании военных действий в Мёзии упоминаются две римские армии и одна только армия их противников — «армия Книвы». Единственным объяснением этого факта может быть только то, что другая армия «скифов» находилась в гораздо более южных районах. И, наконец, из Дексинна с несомненностью явствует, что в период между битвой под Никополем и битвой при Бероа осада Филиппополя шла уже полным ходом, горожане к тому времени не только отбили «скифские» атаки, но даже требовали контрнаступления. Но так как известно, что Книва взял Филиппополь только после битвы под Бероа, следовательно, из сообщения Дексинна об осаде Филиппополя в предшествующий период (до битвы при Бероа) можно заключить, что тогда Филиппополь осаждала не армия Книвы, а другая часть причерноморских войск.

¹ H. Schiller, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, I, стр. 805—806.

² B. Rapport, *Einfälle der Goten*, II, стр. 38—39.

³ L. Schmidt, *Geschichte der deutschen Stämme*, стр. 61.

Правда, Иордан сообщает, что Книва после неудачи под Никополем «поспешил к Филиппополю», но он отнюдь не говорит, что Книва осаждал этот город именно в это время, к тому же Книва, конечно, не мог вести «длительную осаду» в то время, когда Деций шел по его пятам. Стремление же Книвы к Филиппополю было вполне понятным — там находилась другая часть причерноморских войск.

После этого необходимого отступления мы можем перейти к изложению военных событий, развернувшихся после перехода причерноморских племен на правый берег Дуная. В то время, когда эти племена прорвались к Нови, значительные силы римской армии сосредоточивались в районе Oescus (Colonia Ulpia Oescus) (Iord., XVIII, 102). В ходе всех последующих военных действий этот город и служил основной базой римлян. И это было не случайно. Здесь сходились важнейшие дороги — военная дорога вдоль Дуная, дорога на Филиппополь, путь на Сердику. Вместе с тем этот узел дорог со всех сторон был прикрыт озерами и почти недоступен для нападения. Базируясь на Oescus, римляне могли быстро сосредоточивать резервы в безопасном месте, могли действовать во фланг и тыл вражеских войск.

Во главе войск, сосредоточенных в районе Oescus, стоял наместник Мёзии Требониан Галл. Сам император появился здесь несколько позднее. Аврелий Виктор указывает, что до отбытия в Дунайские провинции он задержался в Риме из-за освящения стен (Caes., 29, 1), однако замечание Евтропия о том, что Деций «подавил мятеж в Галлии» (IX, 4) позволяет думать, что именно события в Галлии замедлили отъезд императора на театр военных действий. Очевидно, именно поэтому император отправил в Иллирию своего сына Геренния Этруска (Aurel. Vict., Caes., 29).

Между тем вторгшаяся армия разделилась на две части (Iord., XVIII, 101). Одна из них занялась разгромом Нижней Мёзии, а затем направилась к Филиппополю. Основная же часть «скифского» войска, насчитывавшая по традиции 70 тысяч человек, двинулась к Нови, важной крепости, прикрывавшей переправу через Дунай, пеходному пункту дороги на Филиппополь. Овладение этим пунктом было для наступающих очень важно в целях обеспечения путей для отхода и облегчения связи с войском, шедшим на Филиппополь.

Однако Галл своевременно поспешил на выручку Нови, и нападение было успешно отражено (Iord., там же). Тогда «скифы», наступающие по долине реки Ятра, двинулась на Никополь — город, расположенный у самых отрогов Балканского хребта. В Никополе скрещивались пути, связывавшие между собой важнейшие пункты Фракии и Мёзии, он господствовал над главными проходами через Балканский хребет. Естественно поэтому, что в районе Никополя оказались основные силы обеих враждебных армий. Правда, Иордан, как важнейший источник, совершенно умалчивает о каком бы то ни было столкновении под Никополем. Однако Георгий Синкелл (стр. 705) отчетливо говорит о том, что под Никополем произошло одно из крупнейших сражений этой войны, причем оно окончилось в пользу римлян. И, поскольку Синкелл в данном случае более беспристрастен, чем Иордан, и, как видно, достаточно осведомлен, то у нас есть все основания верить именно ему. Добавим к тому же, что у Дексиппа (fr. 19) — современника событий — о битве под Никополем говорится как о каком-то радостном и обнадеживающем примере римской мощи.

Как сообщает Синкелл, в Никополь, который был хорошо укреплен, бежалось большое количество местного мёзийского населения, надеясь найти защиту за его стенами. «Скифы» окружили город и занялись его осадой. Именно в это время на них и нанал Деций, уже явившийся на театр военных действий (Syncell., стр. 705). Очувшившись между мощными стенами города и крупными силами римского войска, «скифы» понесли тяжелые потери и вынуждены были прекратить осаду. Правда, цифра их потерь — 30 тысяч одними убитыми, которую приводит Синкелл, кажется нам весьма преувеличенной: при общей численности в 70 тысяч подобные потери с включением раненых и пленных означали бы почти полное истребление армии «скифов». Между тем эта армия не только успешно форсировала Балканы, но и нанесла римлянам жестокое поражение! Таким образом, о битве под Никополем можно говорить именно как о значительной неудаче, но никак не о разгроме сил «скифов». Тем не менее, их

армия оказалась в очень тяжелом положении: Деций мог отрезать ее от войска под Филиппополем, и, получив подкрепления от Галла, оставшегося в Oescus'e, уничтожить и никопольскую и филиппопольскую армии противника.

Пока все это происходило на севере, на юге, во Фракии, события развивались своим чередом. Часть войска «варваров», отделившаяся от основных сил где-то в районе Нови, успешно прошла Мэзию, прорвалась через Балканы и приблизилась к Филиппополю. Город подвергся осаде (Dexipp., fr. 19). Филиппополь являлся важнейшей римской крепостью и их опорной базой в придунайских провинциях. Здесь скреплялись пути огромного стратегического значения: дорога с севера на юг (от Oescus на Дунае к Эгейскому морю) и старинная военная дорога от Боспора на запад. Вместе с тем большое значение имела и дорога, шедшая от Филиппополя на северо-восток через Бера и Кабуле. Город, и без того хорошо укрепленный, имел прекрасную естественную защиту — он был расположен на холмах, одну из его сторон прикрывала река Гебр. Вместе с тем Филиппополь имел большое экономическое значение, будучи одним из центров торговли и ремесла¹.

Римляне, строя свой план на уничтожение «скифских» сил, уделяли серьезное внимание укреплению и обеспечению важных стратегических центров в глубине своей обороны. Именно в этот период Фессалоники стали колонией; Нови, Никополь с помощью полевой армии римлян успешно отразили нападения «варваров». Успешное взаимодействие крепостей и полевой армии уже принесло римлянам значительные успехи в настоящем и обещало еще большие успехи в будущем. Понятно поэтому, какое значение имело обладание Филиппополем для всего дальнейшего хода войны.

Филиппополь, повидимому, успел подготовиться к осаде — он встретил осаждающих во всеоружьи технических средств (Dexipp., fr. 20). Его гарнизон был намного увеличен как самими филиппопольцами, так и сбежавшимся отовсюду состоятельным населением, готовым к отчаянной обороне. Во главе обороны города стал опытный полководец, наместник провинции Приск (Iord., XVIII, 103). Город поддерживал связь с действовавшей на севере императорской армией; уверенность в том, что при первой же возможности к ним придут на помощь, поднимала дух защитников города.

Свои военные действия под Филиппополем «скифы» начали с тщательной рекогносцировки: они старательно осмотрели все стены города, отмечая места, наиболее доступные для нападения (Dexipp., fr. 20). После рекогносцировки они завязали метательный бой с защитниками города, а через некоторое время сделали попытку взять город штурмом (там же). К его стенам были придвинуты разнообразные осадные орудия: башни на колесах, тараны, простые и складные штурмовые лестницы. Однако горожане защищались с большой выдержкой и умением. На «скифские» осадные машины сбрасывались огромные камни, их сжигали факелами, смолой и серой; штурмовые лестницы дробились тяжелыми бревнами. Атака «скифов» была отражена со значительными для них потерями (там же), и тогда они приступили к систематической осаде города; вокруг стен города они стали возводить высокие земляные насыпи, а в ров, окружавший город, сбросили массу бревен, земли и всякого мусора. Насыпь росла. Но горожане, видя это, в свою очередь стали надстраивать стены; осадным работам чинились всевозможные помехи: ночью поджигались деревья, уложенные в основании насыпи, разрушалась ее земляная часть (Dexipp., fr., 20). Осада затянулась.

Именно к этому периоду, очевидно, и относится письмо императора Деция наместнику Приску, составляющее содержание 19-го фрагмента Дексиппа. Мы представим себе дело следующим образом: филиппопольцы, отразившие атаки «варваров» и узнавшие об их неудачах на севере, требовали немедленного наступления против осаждавших. Активнее всего выступали местные посессоры и городские богачи, имевшие виллы в окрестностях города: вид гибнувшего имущества приводил их в отчаяние и ярость. Нажим со стороны местных богачей и особенно ее молодежи был так настойчив, что Приск был вынужден, повидимому, обратиться к Децию с запросом, как следует ему поступать.

¹ IGRR, I, 717, 807, 1482.

Деций (то было, судя по письму, вскоре после битвы под Никополем) прислал ему подробный ответ, предназначенный не столько Приску, сколько горожанам Филиппополя. Император предостерегал граждан города против необдуманного и преждевременного наступления на грозное войско «скифов», предлагал им дожидаться его прибытия с тем, чтобы совместными усилиями разгромить врага. В заключительной части письма говорилось: «Итак, удержите ваше стремление, если не хотите ни себе повредить, ни ослушаться вождя: вам нужно остаться внутри города. Пусть оживляет вас надежда, что мы ни делом, ни помышлениями не предадим общественного блага и через несколько дней явемся к вам на помощь с военной силой, и пока вы находитесь внутри стен, мы будем заботиться об успехе дела вне их».

Но события развернулись вовсе не так, как ожидал Деций и горожане Филиппополя. После битвы под Никополем «скифы» в порядке отступили в горы Гемуса (Балканы) и успешно форсировали их (Jord., XVIII, 102) с тем, чтобы соединиться с войском, стоявшим под Филиппополем.

Иордан (там же) сообщает, что Деций, узнав об их уходе, направил свои помыслы на освобождение Филиппополя, то же подтверждает и 19-й фрагмент Дексиппа. Возможно, что Деций несколько переоценил свою победу под Никополем и считал «северную» армию «скифов» уже обезвреженной; однако нам кажется более вероятным, что поспешный марш Деция через Балканы, сильно изнуривший римскую армию, был вызван не столько стремлением побыстрее освободить город, сколько намерением помешать соединению обеих «скифских» армий.

И тут римляне постигла тягчайшая неудача. Их войско, утомленное тяжелым переходом через горы, расположилось на отдых вблизи Берао, на южном скате Балканского хребта. Римляне, повидимому, не ждали нападения «разбитой» и отступающей от них армии, и, быть может, не приняли должных мер предосторожности. Тогда-то войско «скифов» смело напало на римскую армию. Удар был могуч и внезапен. Римляне потерпели жестокое поражение и в панике начали отходить обратно на север, под прикрытием Oescus'a и войск, бывших с Галлом (Jord., XVIII, 102). Несомненно, потери их были очень велики. «Скифы», видимо, лишь некоторое время преследовали противника, а затем вновь повернули на юг — к Филиппополю.

Возможно, что Иордан несколько преувеличивает размеры римского поражения и легкость победы «варваров» под Берао. Повидимому, не случайно ни сразу же после этой битвы, ни после взятия Филиппополя «скифы» не решились идти на север. Однако значение победы при Берао было огромно. Римляне не только понесли большой урон в людях, не меньшим было и моральное влияние поражения. Почти целый год после битвы при Берао римляне воздерживались от наступательных действий против главных сил вражеской армии.

У нас нет данных о том, как развивались военные действия под Филиппополем в период перехода обеих армий через Балканы и битвы при Берао. Как можно судить на основании известий Дексиппа (fr. 20), «скифы» после ряда неудачных попыток взять город, видимо, прервали осаду. Б. Раппопорт в связи с этим даже предполагает, что филиппопольское войско «скифов» приняло участие в битве при Берао (ук. соч., стр. 41). Хотя это предположение вполне правдоподобно (им, в частности, легко объяснить и размеры «скифской» победы), но все же источниками оно не подтверждается, а раз так, то гипотеза и остается гипотезой, пусть и очень достоверной.

Но несомненным является, что вскоре же после битвы при Берао к Филиппополю подступили уже соединенные силы «скифов» (Jord., XVIII, 103). Осада возобновилась. Однако судьба города была предрешена, и, повидимому, уже вскоре после возобновления осады Филиппополь оказался в руках «скифского» войска. Крупную роль в этом сыграла измена Приска, руководившего обороной города. Город подвергся жестокому разгрому; множество горожан было истреблено, десятки тысяч уведены в плен. Падение Филиппополя имело крупнейшее стратегическое значение. «Скифы» получили в свое распоряжение мощную базу дальнейших операций, овладение Филиппополем делало их хозяевами Фракии или, во всяком случае, западной ее части и долины реки Гебра.

Ввиду того, что использованные нами здесь авторы не дают точных датировок,

то представляется чрезвычайно затруднительным установить время битвы под Никополем и Бероа, время падения Филиппополя и другие даты. Однако, хотя описанные выше события и развивались в довольно быстром темпе, все же они, несомненно, заняли, по крайней мере, несколько месяцев. Кое-какую помощь в установлении хронологии может нам оказать одно место из Дексиппа. Касаясь первого периода осады Филиппополя, он рассказывает, что «варвары» свалили в ров, окружавший город, туши лошадей и трупы пленных, и уже «на третий день трупы раздулись и тем содействовали немалой высоте насыпи» (fr. 20). Из этого факта можно заключить, что, повидимому, дело происходило в жаркое время года. Но в цитированном месте Дексипп говорит о самом разгаре осады — быть может, еще до битвы под Никополем и во всяком случае — до битвы при Бероа. Следовательно, если крупнейшие битвы этой войны в период 250 г., осада Филиппополя, приходится, повидимому, на лето 250 г., то захват «скифами» этой крепости и опустошение Фракии падают скорее всего уже на осень этого же года. Зима 250/51 г. представляет, таким образом, естественную грань первого этапа военных действий.

Итак, первый этап военных действий принес римлянам весьма плачевные результаты — они понесли жесточайшее поражение под Бероа, утратили важную крепость; в руках «скифов» находились теперь крупные имперские территории. Однако положение римлян отнюдь еще не было безнадежным. Даже после поражения Деция на севере, в Oescus'e еще находились крупные силы римской армии под командованием Галла (Iord., XVIII, 102). Они не смогли принять участия в боях на юге, ибо их целью была, как указывает Иордан (там же), «охрана границ», т. е. в конкретной обстановке удержание за римлянами линии Дуная и борьба со «скифскими» отрядами в соседней Дакии; но теперь они могли послужить ядром для развертывания новой римской армии.

С другой стороны, если во Фракии римлян преследовали неудачи, то на другом важном направлении — в Дакии — военные действия (главным образом против карпов) развивались благоприятно для римлян (CIL, II, 4949, 4957 сл.).

Все эти обстоятельства и подоспевшая зима были хорошо использованы Децием и Галлом. В Oescus стягивались войска; укреплялись важные стратегические пункты, например, в Дакии (CIL, III, 1176).

Нам неизвестно конкретное содержание военных действий во Фракии от времени падения Филиппополя и до отступления «скифов» на север. Во всяком случае мы не слышим более об осадах крупных, хорошо укрепленных городов. Возможно, что после сражений под Нови и Никополем и тяжелых потерь, понесенных под Филиппополем, «скифы» не решались тратить свои и без того поредевшие силы на штурмы и осады, тем более, что наступившая зима сильно затрудняла ведение таких военных операций.

Активные военные действия возобновились весной следующего, 251 г. К этому времени стратегическая обстановка сложилась в сторону, благоприятную для римлян. Римляне могли почти беспрепятственно получать многочисленные подкрепления (Iord., XVIII, 102); с другой стороны, «скифы», находившиеся в глубине вражеской территории, вряд ли смогли получить хоть сколько-нибудь значительные пополнения, тем более, что их коммуникации находились под контролем римлян. Между тем численность «варварского» войска должна была сильно сократиться за счет погибших в боях, больных, оставших и т. п. Огромный обоз с добычей (Zosim., I, 23, 1) и масса пленных уменьшали маневренность «скифов», привязывали их к дорогам; обоз и пленные к тому же требовали людей для охраны.

При таких неблагоприятных для них обстоятельствах у «скифов» не оставалось много исхода, как отступление на родину. И, очевидно, сразу же с установлением дорог они двинулись на север. Но Деций менее всего был намерен отпустить их с миром. Ему представлялась возможность одним ударом резко изменить все течение войн на Дунае и на долгие годы обеспечить безопасность северо-восточных границ империи (Zosim., I, 23). Решительным наступлением Деций рассчитывал также восстановить свой пошатнувшийся авторитет императора и полководца. Наконец, не следует забывать, что «скифы» уводили с собой десятки тысяч пленных, среди которых находились и представители знатнейших фамилий и родственники солдат и командиров рим-

ской армии. Казалось, Деций мог надеяться на полный успех. План римлян — отрезать пути отхода «скифов» и истребить их ¹ — становился вполне реальным.

Ход военных действий до битвы при Абритте, ввиду состояния наших источников, может быть представлен лишь в самых общих чертах. Так, несколько неясен маршрут отступления «скифской» армии, ибо единственный географический пункт, который нам сообщают авторы, — есть уже сама Абритта, на нижнем течении Дуная. Но он совсем не случайно вошел в летопись войны. Поскольку римляне продолжали удерживать в своих руках районы западной Мёзии и уже укрепились в Дакии, то прямой путь отхода на север через гористые и хорошо укрепленные места был невозможен. Поэтому варвары пошли, повидимому, обходным путем, через районы восточной Мёзии, где и разыгрались заключительные битвы этой войны. Поэтому одним из возможных путей отступления «скифов» нам представляется дорога Филиппополь — Берао — Kabyle — Анхиал. Несомненно, серьезнейшая опасность подстерегала их при самом выходе из гор на равнину, однако в силу каких-то причин римляне не смогли использовать эту представлявшуюся возможность. Не исключено, что одной из этих причин было восстание в Риме, о котором нам сообщает Евтропий (IX).

Однако, повидимому, вскоре после выхода на равнину «скифы» подверглись ряду нападений со стороны римских императорских войск. Эти столкновения были успешны для римлян: «варвары», судя по известиям Зосима (I, 23, 1), потеряли в них даже часть своего обоза; события развивались так, как того желал Деций. В конце концов, положение «скифов» стало критическим, и они были вынуждены начать переговоры о мире. Они предложили возвратить римлянам всю захваченную ими добычу с тем условием, чтобы их пропустили на родину (Zon., XII, 20, стр. 136). Однако Деций, уверенный в окончательной победе, категорически отверг их мирные предложения. Генеральное сражение становилось неизбежным.

Именно в это время, как то с несомненностью явствует из слов Зонары (там же), Галлу было приказано занять позиции на берегу Дуная (и Зосим и Зонара ошибочно говорят о Доне). Цель Галла состояла в том, чтобы отрезать «варварам» путь на родину, истребить при переправе тех из них, которым удалось бы уйти от армии Деция.

Источники единодушно свидетельствуют, что решающая битва произошла при местечке Абритта, иначе именуемом «форум Семпрония». Правда, античные авторы несколько расходятся в точном определении местоположения Абритты: Иордан и Гьерокл помещают ее в нижней Мёзии, Прокопий (De aedif., IV, II) — в Малой Скифии. Повидимому, она находилась где-то на границе между этими двумя провинциями в области современной Добруджи. Судя по Иордану, генеральному сражению при Абритте предшествовало ее занятие римскими войсками; таким образом, в момент боя она, повидимому, прикрывала их тылы. Две надписи, в одной из которых, датируемой 9 июня 251 г., Деций и его сын Геренний Этруск выступают еще в качестве здравствующих правителей империи, а во второй — от 24 июня — они уже konsekрированы ², позволяют сравнительно точно датировать время битвы при Абритте. Если, как то вычислил Wittig ³, известие о смерти Дециев могло достигнуть Рима примерно за 8—10 дней, то время гибели Деция и его сына, а, следовательно, и битвы при Абритте, следует отнести на первую половину июня 251 года.

Более подробное изложение хода битвы мы находим лишь у двух авторов — Зосима и Зонары; кое-какие данные имеются также у Синкелла и Иордана. Эти авторы в качестве первоисточника имели, в конечном счете, одного и того же автора — Дексинна. Тем не менее при первом же взгляде бросается в глаза резкое противоречие между версиями Зосима и Зонары. Зосим (I, 23, 3) сообщает, что «варвары» были построены в три боевые линии, последовательно вступавшие в сражение с римлянами, причем успешно продвигавшиеся римляне в конце концов завязли в болоте, были окружены «варварами» и почти полностью истреблены. Зонара же ничего не знает о подобном

¹ Z o s i m., I, 23, 1; Z o n., XII, 20, стр. 136.

² CIL, VI, 31129 и 3743 = 31130.

³ RE, s. v. Messius (9).

расчленении построения «скифов», иначе описывает он и само течение боя: «варвары» сразу же начали отступать, Деций их энергично преследовал, и, поскольку фронт «скифов» прикрывало глубокое болото, то Деций погиб в нем вместе со своим войском, «поглощенный болотной трясинной» (Zon., XII, 20, стр. 136). Нам кажется, что есть все основания доверять Зосиму больше, чем Зонаре. Рассказ Зосима намного подробнее, чем беглое повествование Зонары, и, несомненно, что Зосим был более осведомлен, чем Зонара. Это вполне понятно. Для Зонары события III в. н. э. были довольноно скучными и малоактуальными делами, его интересы обращены главным образом на историю церкви, для которой события светской истории зачастую являлись лишь простым фоном. Для Зосима же, жившего в период крушения империи, они имели большой не только исторический, но и практический интерес, были гораздо более доступными для понимания, сама цель его труда — показать упадок империи (Zosim., I, 1). В распоряжении Зосима, писавшего всего спустя два века по истечении событий, имелась несравненно более цельная и свежая историческая традиция, чем та, которая дошла до Зонары, если даже мы и станем на ту точку зрения, что оба пользовались Дексиппом не непосредственно, а при помощи какого-то посредствующего звена. Наконец, с военной точки зрения, рассказ Зонары, несомненно, носит несколько наивный характер, так, он даже ничего не говорит об окружении римского войска, а на это указывает, кроме Зосима, еще и Иордан (XVIII, 103).

После этих предварительных замечаний перейдем к описанию самой битвы, причем, разумеется, состояние источников дает нам для этого лишь самые скромные возможности. Источники единодушно свидетельствуют, что местность, где произошла битва, носила болотистый характер¹. «Скифы» построились таким образом, чтобы их фронт прикрывало болото. Однако, поскольку мы решились следовать Зосиму, то перед нами сразу возникает следующий вопрос. Зосим (I, 23, 2—3) определенно говорит, что болото прикрывало именно первую боевую линию «варваров». Однако уже после того как римляне, разгромив первую линию, успешно продвинулись вперед, тесня и истребляя вторую, они вдруг оказались в болоте (там же), хотя значительное продвижение вперед римского войска само собой подразумевает, что болото уже было успешно форсировано ими и оставлено в тылу. Поэтому возникает предположение, что болото прикрывало также и третью, главную боевую линию «скифов» — или же только ее одну (последнее кажется нам более вероятным). Если судить по нашим источникам, особенно данным Зонары (XII, 20, стр. 136), то это была какая-то глубокая, непроходимая и гибельная трясина. Однако в этом позволительно усомниться, ибо в таком случае продвижение римлян сразу же прекратилось бы само собой если предположить, что фронт обеих армий разделяло болото. Если же встать на ту точку зрения, что болото находилось в глубине боевого порядка «скифов», то это становится еще более сомнительным, ибо, отступая, уцелевшие отряды первой и второй линии стали бы первыми жертвами трясинны, а сама помощь им со стороны третьей линии стала бы невозможной.

Нам кажется, что древние авторы, а за ними и некоторые современные ученые² впадают здесь в некоторое преувеличение, вытекающее из стремления объяснить поражение римлян прежде всего природными условиями, действительно мало благоприятными для них. Может возникнуть вопрос: почему такой опытный полководец, как Деций, имея и без того все преимущества на своей стороне, все же поторопился принять бой в таких условиях? На это, конечно, трудно дать определенный ответ, но следует подчеркнуть, что у римлян был уже опыт так называемой «болотной войны», а блестящая победа Максимиана в «болотной битве» (Herodian., VII, 2) показала полную возможность решающего успеха.

Бой начался мощной атакой римлян на первую боевую линию вражеского войска. В самом начале боя или в предшествовавшей ему стычке пал сын Деция, Геренний Этруск. В этот решающий момент Деций мужественно перенес тяжелую утрату, сказав

¹ Zosim., I, 23, 2—3; Zon., XII, 20.

² Например, А. Alföldi в САН, XII, стр. 145.

для того, чтобы рассеять вызванное гибелью Этруска тягостное настроение: «Пусть никто не печалится — смерть одного солдата не большая потеря для государства» (Iord., XVIII, 103). Но несомненно, что у него появилась новая добавочная причина для еще более ожесточенного натиска. Первая боевая линия «скифов» была смята римлянами, и большая часть ее воинов погибла в бою. Тогда в сражение вступила вторая линия, по римляне, продолжая натиск, опрокинули и ее (Zosim., I, 23, 3). Заключительный этап битвы Зосим рисует следующим образом: «Когда и эта (вторая линия. — *Л. Р.*) была опрокинута, вблизи болота появились немногие из третьей линии. И тут Деций по совету Галла — идти через болото — не зная местности, неосмотрительно произвел нападение и увяз в болоте со всем войском. Поражаемый со всех сторон метательными снарядами варваров, он погиб вместе с теми, кто был с ним» (там же).

Таким образом, хотя в этом месте рассказ Зосима и не очень ясен, сам факт того, что в ходе боя «варвары» окружили и истребили римлян, — не подлежит сомнению. Как нам кажется, этот второй этап боя можно реконструировать следующим образом: римляне, воодушевленные успехом над первыми двумя линиями противника, энергично рвались вперед, преследуя отступающих врагов. Однако в ходе первых двух схваток и преследования они расстроили ряды и уже бесформенными толпами оказались перед лицом третьей боевой линии противников. Зосим (I, 23, 3) говорит здесь о «немногих варварах», но это — явная ошибка; иначе мы никак не можем понять новый оборот, который приняло течение боя. Здесь-то, повидимому, и были основные силы «скифов». Растратив силы в предшествующей борьбе, уже не ожидая активного сопротивления противника, римские воины все более сгущивались на болоте, прикрывавшем третью боевую линию «скифов», к которой прикрепили и уцелевшие воины первых двух отрядов. Эта скученность, тяжелое вооружение, усталость римлян и, наконец, болотистая почва под ногами делали их почти беспомощными перед лицом свежих сил врага. Теперь настало время «скифов». Они перешли в контратаку и охватили в ходе ее или даже полностью окружили сгрудившуюся массу римлян. В невероятной давке последние не имели возможности должным образом использовать свое оружие; враги же со всех сторон осыпали их градом копий и дротиков (Zosim., I, 23, 3). Именно к этому моменту и относится, очевидно, упорно констатируемый источниками факт «увязания» римского войска в болоте¹, которое уже не могло более выдерживать все возрастающую тяжесть. Но то был уже финал боя.

Источники ничего не сообщают нам о том, сколько времени длилось это сражение. Из их беглого рассказа можно даже сделать заключение, что бой носил очень скоротечный характер. И все же, нам кажется, это было не так. Ожесточенность обеих сторон, крупные массы войск, участвовавших в сражении (причем дело шло об уничтожении того или иного войска), — уже в значительной мере предопределяют его затяжной характер. У нас вместе с тем есть и прямое указание Синкелла (стр. 705) на то, что «Деций и его сын были убиты ночью», — очевидно, сражение заняло не только день, но и часть ночи. Исход его был в значительной мере уже предрешен окружением римского войска, и последний этап боя напоминал, очевидно, уже не сражение, а скорее избивание римлян. Множество их погибло в бою, многих поглотило болото.

Поражение римской армии было полное. Римские авторы единодушно утверждают, что немалую роль в гибели армии сыграла измена Галла, провозглашенного императором после смерти Деция. Версия эта не может не вызывать сомнений, но как бы то ни было, в создавшейся обстановке Галлу ничего иного не оставалось, как только вступить с противником в мирные переговоры. В результате этих переговоров был заключен мир, по своим условиям чрезвычайно позорный для римлян: «скифы» беспрепятственно пропускались на родину со всей добычей и пленными, Рим же за отказ их от новых нападений обязался выплачивать им ежегодную дань (Zosim., I, 24). У Галла, однако, не было иного выхода: силы империи были истощены до крайности; началась эпидемия чумы (Zon., XII, 24), и, вдобавок ко всему, смертельная опасность нависла над теми резервами, которые находились под командой Галла. После заключения мира

¹ Zosim., I, 23, 3; Zon., XII, 20, стр. 136.

Галл поспешил в Рим (Zosim., I, 25) и, несмотря на столь плачевный исход войны и унижительный мир, все же отпраздновал триумф.

Война 250—251 гг. имела большое историческое значение. Впервые за время существования империи римский император пал в бою с «варварами»; в течение столетий уже не терпели римляне подобных сокрушительных поражений. В ходе войны 250—251 гг. племена Северного Причерноморья радикально опустошили важнейшие придунайские провинции, нанесли огромный урон живой силе Рима, еще более разрушили его оборону на Дунае и принудили к позорному миру. В этой войне они действовали энергично, стойко, со значительной организованностью и показали несомненный рост своей силы и боевого искусства. В решающей битве они, несмотря на неравенство сил и неблагоприятный для них оборот войны, все же сумели успешно выйти из создавшегося положения и, мало того, нанесли противнику жесточайшее поражение. Искусное использование местности, хорошее военное руководство, стойкость и мужество воинов явились важнейшими факторами этой победы.

Победа карпато-дунайских племен всколыхнула глубинное население Причерноморья, активизировало его борьбу с Римом. Она, несомненно, нашла широкий отклик и среди соседних германских племен, и у персов, и у народов Африки. Слабость империи была показана воочию.

Вместе с тем война 250—251 гг. еще более подорвала авторитет центральной власти, еще более ослабила ее и тем способствовала росту сепаратистских тенденций.

Конечно, война 250—251 гг. отнюдь еще не решила исхода всей борьбы. Резервы империи были еще очень велики, но она свидетельствовала об определенном сдвиге в соотношении сил в пользу «варваров» и, вместе с тем, являлась прелюдией к целой серии новых огромных походов племен Северного Причерноморья против Рима.

А. М. Ременников

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АПАТУРА

Упоминания древних авторов об Апатуре немногочисленны и лаконичны. Страбон (XI, 10) сообщает: «Вплывшему в Корокондамитское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кены, Гермонасса и Апатур — святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кены лежат на названном острове с левой стороны — для вливающегося в озеро, а остальные города для вливающегося в озеро лежат с правой стороны за Гипанисом в Синдике...», и далее: Ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ Φαναγορίᾳ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐπίσημον τῆς Ἀπατούρου... «Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты...» Из этого сообщения Страбона видно, что ему были известны, с одной стороны, город Апатур в Синдике и, с другой — храм Афродиты Апатуры в Фанагории.

Стефан Византийский под словом «Апатур» указывает, что Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐν Φαναγορίᾳ и далее: Ἐκατὰ δὲ κόλπον οἴδε τὸν Ἀπάτουρον ἐν τῇ Ἀσίᾳ.

Таким образом, у Стефана Византийского мы имеем известие о существовании храма Апатура в Фанагории, с одной стороны, и залива Апатур, расположенного «в Азии», — с другой.

Дюбуа, основываясь на сопоставлении известий Страбона и Стефана Византийского, считал, что залив Апатур надо искать в районе древней Фанагории, и предполагал, что это — Аханизовский залив¹. Однако, по нашему мнению, частичка δὲ во фразе

¹ Fr. Dubois de Montpreux, Voyage autour du Caucase..., P., 1849, I, стр. 244 сл.

Стефана Византийского (Ἐκαταλὸς δέ...) указывает на то, что Стефан Византийский противопоставлял известие Гекатея об Апатуре утверждению Страбона о фанаторийском храме. Как уже указывалось, такое противопоставление имеется и у Страбона.

Из всех этих сообщений видно, что город Апатур существовал, по видимому, начиная с V в. до н. э., но в I в. н. э. Плиний (VI, 6) писал: *Oppida in additu Bospoti, primo Hermonassa, dein Ceros Milesiorum et Phanagoria et paene desertum Apaturos...*, следовательно, в I в. н. э. город был по каким-то причинам заброшен, однако во II в. н. э. он был, по видимому, вновь восстановлен, так как город Апатур упоминается у многих авторов II в.¹ Надписи, упоминающие так или иначе Апатур и относящиеся, по нашему мнению, к древнему городу Апатуру, были найдены на берегу Цукурского лимана (IOSPE, II, 343), в ограде Таманской церкви² и в стенах города Эски Шахир (между Азовским морем и Кубанью) (IOSPE, II, 469).

Первая из этих надписей IV в. до н. э. гласит: «Димарх Скифов посвятил Афродите Небесной, владычнице Апатура, при Левконе, архонте Боспора и Феодессии». Надпись была найдена в кургане близ бывшего хутора Грелева на берегу Цукурского лимана.

Вторая надпись, датируемая I—II вв. н. э., — посвящение Афродите Апатуре, говорящее о восстановлении портиков храма, найдена в ограде таманской церкви, но так как известно, что в эту ограду свозили камни со всего Таманского полуострова, то первоначальное местонахождение ее остается неизвестным. Указание этой надписи на восстановительные работы заставляет вспомнить слова Плиния об опустошении Апатура в I в. и исключает, по видимому, возможность отнести эту надпись к святилищу Апатуры в Фанагории, так как там разрушений, относящихся к I в., раскопками не обнаружено³.

Третья надпись, — из Эски Шахира, сохранившаяся плохо, представляет собой посвящение Лиенмаха, сына Карнейада, богине Апатуре.

Надпись помещена под барельефом, изображающим известный миф, рассказанный Гомером, о любви Афродиты и Ареса. Афродита собирается обнять подходящего к ней с левой стороны ее возлюбленного Ареса; направо от нее стоит Посейдон с трезубцем; налево от Ареса крылатый Эрот, держащий в левой руке факел, а за Эротом супруг Афродиты — Гефест, с клещами в левой руке, застаёт влюбленных. Все фигуры обнажены. Здесь к Афродите тоже применен эпитет Апатура, т. е. обманщица, она обманывает здесь своего законного мужа Гефеста, как повествуют Гомер и этот древний барельеф. Надпись сохранилась плохо, очень древний шрифт дает основание полагать, что она относится к V в. до н. э.

Сопоставляя приведенное выше известие Страбона и других древних писателей с фактом находки посвящения «владычнице Апатура» у Цукурского лимана в нетронутом слое, можно предположить, что именно там и находился город Апатур. Это, разумеется, пока лишь гипотеза, которая может быть подтверждена только археологическими исследованиями в месте находки упомянутой надписи.

В историографии имеются различные точки зрения по вопросу о местонахождении залива и города Апатура. Дюбуа, как уже отмечалось выше, считал, что залив Апатур следует искать в районе древней Фанагории. Ф. К. Брунни помещал Апатур в местности, называемой «Дубовый рынок»⁴. При составлении карты в IOSPE В. В. Латышев следовал в этом вопросе точке зрения Брунни, но поставил знак вопроса. М. И. Ростовцев предполагал, что Апатур находился в Тамани⁵, в районе разрушенной турец-

¹ Herodotus, V, 202 и 389; Ptolem., V, 8, 4.

² Н. Коehler, Monument de la reine Comosarie, стр. 29, табл. IX.

³ См. В. Д. Блаватский, Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 289; он же, Отчет о раскопках на Таманском полуострове в 1937 г., ВДИ, 1938, № 3—4, стр. 135—137.

⁴ Ф. К. Брунни, Черноморье, ч. II, Одесса, 1880, стр. 242—270.

⁵ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, П., 1915, стр. 281.